

О «РЕЗНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ» В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Заметки на полях

Судьба деревянной скульптуры в культурной истории России уникальна и во многом таинственна. «Резные изображения», «резные иконы» (как они именовались в русской традиции), будучи «объёмными», находились под запретом Русской Православной Церкви, которая усматривала в них отголоски язычества («кумирослужения» и «идолопоклонства»). В Древней Руси сакральная скульптура отрицалась по церковной норме, но существовала «по обычаю». Борьба Церкви с «резными изображениями» особенно усилилась в Новое время, после реформ Петра Первого; на протяжении XVIII века один за одним следовали несколько указов, предписывающих изъятие резных икон из церквей.

Наиболее распространены в общерусской традиции были резные изображения св. Николая Чудотворца и св. Параскевы Пятницы, что объясняется необыкновенной развитостью народных культов этих святых («Никола — русский Бог», согласно запискам иностранных путешественников во времена Древней Руси) и их связью с дохристианскими мифологическими представлениями. По гипотетическому мнению Б. А. Успенского (которое сейчас под большим сомнением у учёных), народное почитание Николы и Параскевы вобрало в себя культы бога Велеса и богини Мокоши.

Церкви приходилось считаться с особенным почитанием сакральной скульптуры. Так, например, дело обстояло в Сибири, одном из регионов наиболее широкого распространения резных изображений (общесибирское почитание св. Николая Чудотворца). Согласно сведениям о «вещественных памятниках церковной старины», присланным по программе Тобольского епархиального православно-церковного Братства, в церквях Тобольской епархии хранилось более 30 резных изображений христианских святых¹. Следует учесть крайнюю неполноту этой статистики: так, не поступило ни одного сообщения с территории Тобольского Севера. Наибольшее количество резных изображений составляют иконы св. Николая Чудотворца: по программе присланы сведения о 19 изображениях. Резным иконам приписывались особые функции. Так, они часто использовались при сборе пожертвований, как, например, резной образ св. Николая Чудотворца (небольшого размера) из Туринского Николаев-

ского монастыря: «Ежегодно он был отправляем из Туринска для сборов в Ирбит на известную ярмарку, пока наконец, в 1770 году это не запрещено было преосвященным Тобольским и Ирбитским Варлаамом»².

Учитывая народное поклонение сакральной скульптуре, Тобольское епархиальное начальство довольно долго терпимо относилось к резным изображениям: «Из снисхождения к особенному усердию народа местное начальство терпело их [резные иконы св. Николая — *О. Н.*] почти до самого последнего времени. В Тобольской епархии, например, их вынесли и поместили в ризницах, заменив иконами, только в конце 1835 и начале 1836 года по особому настоянию преосвященного Афанасия, мужа высокого образования. В некоторых местах они всё-таки существуют и чествуются доселе»³.

Показательна история резной иконы св. Николая Чудотворца, хранившейся в Никольской часовне с. Самарова (сейчас — город Ханты-Мансийск). В начале XX века поступило распоряжение Епархиального начальства (очевидно, очередное) передать изображение в ризницу при Тобольском кафедральном соборе. Прихожане ходатайствовали об оставлении скульптуры в часовне; в 1911 году во время поездки епископа Тобольского и Сибирского Евсевия по Тобольскому Северу ему показали почитаемое изображение и лично просили удовлетворить ходатайство. Евсевий им сообщил, что передал ходатайство в Священный Синод, и заверил в том, что сам просил Синод об этом: «... и в свою очередь также просил Св. Синод об оставлении изображения Святителя в самаровской часовне».

По описанию антирелигиозного подотдела Государственного музея Тобольского Севера, в коллекции подотдела числилось 12 больших и 4 малые деревянные скульптуры. Атеистические идеологи объясняли сакральную скульптуру как проявление особой тактики церкви в отношении коренного населения Тобольского Севера: «чтобы сделать для дикарей легче усвояемым и менее резким переход от язычества к христианству» Автор описания отмечал, что некоторые резные изображения св. Николая Чудотворца «исполнены под тип туземца», и настаивал на массовом и целенаправленном их распространении: «Масса статуй христианских богов и святых стала распространяться среди туземцев». (Некоторые из описанных скульптур и сейчас находятся в экспозициях Тобольского музея.)

«Туземная прописка» деревянной скульптуры — устойчивый мотив её интерпретации и в дореволюционное, и в советское время (атеистические идеологи добавили момент миссионерских функций), но истории, подобные тобольской, очевидно, были характерны для многих регионов России. Так, изучая в своё время материалы «Тверских епархиальных ведомостей» рубежа XIX–XX веков, я обратил внимание на описания поездок тверского архиепископа по епархии — они не были выполнены, как обычно, в рамках церковного протокола (официально-велеречивого), а больше напоминали отчёты историко-этнографических экспедиций. В этих описаниях давались исчерпывающие исторические справки о местности (включая народ-

ные предания), приводились сведения о крестьянских обрядовых практиках и почитании икон, и среди них многочисленные факты обнаружения в деревенских церквях деревянных скульптур святых (Тверская губерния — не Пермский край!). Уникальность отчётов о поездках открылась быстро — тогдашним архиепископом Тверским и Кашинским (1896–1905) был Дмитрий (в миру Дмитрий Иванович Самбкин; 1839–1908), один из самых блестящих церковных археологов и историков в русской традиции. Встретились в описаниях архиепископа Дмитрия и несколько уникальных упоминаний о резных изображениях головы св. Крестителя Иоанна Предтечи. В целом по русской традиции подобных сведений крайне мало, что, очевидно, объясняется особой боязнью священнослужителей сообщать об этом церковному начальству. По упомянутой программе Тобольского епархиального православно-церковного Братства были присланы сведения о двух таких резных головах Иоанна Предтечи. Одну из них в начале 2000-х годов мне пришлось совершенно случайно обнаружить в хранилище Тобольского музея среди бюстов В. И. Ленина и местных соцреалистических полотен (сейчас резное изображение отреставрировано и экспонируется). Прояснить что-либо в отношении народного почитания подобных резных голов пока не удалось, как и о возможных их источниках (в музее средневековья в Париже, в аббатстве Клуни тоже экспонируется подобное изображение головы Иоанна Предтечи на блюде).

Подобных белых пятен в культурной истории русской сакральной скульптуры гораздо больше, чем какой-либо ясности, — и в отношении народной традиции, и в церковно-историческом аспекте, и в художественном (вопрос о влиянии западноевропейского барокко). Деревянная скульптура действительно, предстаёт тайной, разгадка которой вряд ли возможна, ибо находится не в какой-либо одной плоскости, а в некоем пограничном пространстве, где смыкаются культурные традиции, исторические эпохи и духовные состояния. Процитирую в завершение слова из путевых заметок одной моей знакомой, увидевшей знаменитую пермскую скульптуру в Пермской художественной галерее: «Пластика, идущая от „звериного“ стиля, глубокая наивная религиозность, чувственное сочетание мрака и света, экспрессии и покоя, тяжёлых и лёгких форм, язычества и христианства — всё это как-то „уложило“ эмоции, объединило их на каком-то очень зыбком и трепетном уровне».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Журнал Совета Тобольского епархиального православно-церковного Братства // Тобольские епархиальные ведомости. 1899. № 19. С. 271.

² Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Сургутского и Тобольского уездов // ТЕВ. 1911. № 21. С. 489.

³ *Телишев М.* Краткое описание антирелигиозного подотдела в Государственном музее Тобольского Севера // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1929. № 1–2. С. 40.